А.Г. САЛИХОВ

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточных рукописей Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы — обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Уфа)
e-mail: ahatsalihov@mail.ru

Э.Р. МАМЛЕЕВА

Магистр искусствоведения, хранитель фондов отдела учета и хранения (ответственный хранитель коллекций «Башкирское народное творчество» и «Декоративно-прикладное искусство»), Башкирский государственный художественный музей им. М.В. Нестерова (Уфа)
e-mail: abc-2007@mail.ru

A.G. SALIKHOV

Ph.D. in History, Leading Researcher of the Department of Oriental Manuscripts, Order of Badge of Honour Institute of history, Language and Literature — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa)
e-mail: ahatsalihov@mail.ru

E.R. MAMLEEVA

Master of Art History, Curator of the funds of the Accounting and Storage Department (responsible curator of the collections «Bashkir Folk Art» and «Decorative and Applied Art»), Bashkir State Art Museum named after M.V. Nesterov (Ufa)
e-mail: abc-2007@mail.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2024_4_2_343_355

АРАБОГРАФИЧНЫЕ ВЫШИВКИ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА В СОБРАНИИ БГХМ им. М.В. НЕСТЕРОВА

ARABOGRAPHIC EMBROIDERIES ON WORKS OF BASHKIR FOLK ART IN THE COLLECTION OF THE BGHM NAMED AFTER M.V. NESTEROV

В статье рассматриваются ранее не исследованные арабографичные вышивки на произведениях башкирского народного искусства из коллекции БГХМ им. М.В. Нестерова: на женской налобной повязке — «һарауыс», мужском кисете — «янсык» — и концовках полотенца — «таҫтамал осо». Период исследования охватывает вторую половину XIX — начало XX века. Установлено, что данные вышивки представляют собой арабографичную тюркоязычную надпись. Сложность дешифровки состояла в сохранности предметов, вызванных множественными утратами нитей. В результате исследования было выявлено, что текст вышивки на концовках полотенца взят из широко популярного в XIX веке в Урало-Поволжье стихотворения «Танда джаным» («В теле душа») известного башкирского поэта, религиозного деятеля XIX века Урале Хибатуллы Салихова. Рассмотрены особенности арабографических священных текстов на предметах быта, используемых башкирами в целях оберега и защиты жилища.

The article examines previously unexplored Arabographic embroidery on works of Bashkir folk art from the collection of the Bashkir State Art Museum. M.V. Nesterova: on the women's headband — «Harauys», on the men's tobacco pouch — «Yansyk» and the ends of the towel «taҫtamal oso». The period of research covers the second half of the XIX century — the beginning of the XX century. It has been established that these embroideries represent an Arabographic Turkic inscription. The difficulty of deciphering was the preservation of objects caused by multiple losses of threads. As a result of the study, it was revealed that the text of the embroidery on the ends of the towel was taken from the poem «Tanda Janym» («There is a soul in the body»), widely popular in the 19th century in the Ural-Volga

region, by the famous Bashkir poet and religious figure of the 19th century Ural Hibatulla Salikhov. The features of Arabographic sacred texts on household items used by the Bashkirs for the purpose of amulet and home protection are considered.

Ключевые слова: Художественный музей им. М.В. Нестерова, коллекция башкирского народного декоративно-прикладного искусства, «һарауыс», «янсык», «таҫтамал осо», письменные памятники, арабографичная надпись.
Keywords: Art Museum named after. M.V. Nesterov, collection of Bashkir folk arts and crafts, «harauys», «yansyk», «taçtamal oso», written monuments, Arabic inscription.

Башкирский государственный художественный музей им. М.В. Нестерова (далее БГХМ им. М.В. Нестерова) — один из старейших музеев России — был основан 23 октября 1919 года. Среди разнообразия коллекций, собранных за вековую историю, особое место занимает коллекция башкирского народного декоративно-прикладного искусства XVIII–XX веков.

Начало формирования коллекции народного искусства в художественном музее относится к 1920-м годам, отмеченным послереволюционным подъемом заметного усиления научного интереса к народному творчеству, к художественной культуре национальных окраин России. Начинается формирование интереса к научному осмыслению местных художественных традиций и в Башкортостане. К изделиям народного творчества стало вырабатываться отношение как к самобытным, самостоятельным произведениям искусства, в которых отразилась история и культура народа.

Юлий Юльевич Блюменталь, занимавший должность директора Уфимского художественного музея с декабря 1926 года по май 1935 года, организовал в музее отдел башкирского народного декоративно-прикладного искусства. В 1928 году по его инициативе была совершена первая экспедиция по сбору народного искусства в горнолесном Тамьяно-Катайском кантоне Башкирии. В отчете организатора данного полевого исследования Ю.Ю. Блюменталя указана двоякая цель экспедиции: «С одной стороны, преследовалась задача собирания башкирского народного искусства, с другой — имелось ввиду создание ряда художественных работ, объектом которых должна стать башкирская деревня и её обитель…» [1]. Причиной, побудившей проведение данного исследования, послужила

организация и осуществление в 1928–1932 годах комплексной экспедиции АН СССР совместно с Центральным музеем народоведения (Москва) по сбору научного материала на территории Урала и его исследованию, в которой приняли участие крупнейший археолог XX века, автор многих научных работ по этнографии башкирского народа С.И. Руденко и известные московские художники.

В экспедициях Художественного музея приняли участие первые сотрудники, получившие профессиональное художественное образование в учебных заведениях Петербурга, Москвы, Казани, — это художники Ю. Блюменталь, К. Девлеткильдеев, А. Тюлькин, В. Сыромятников, М. Елгаштина, чьи имена открывают первые страницы истории башкирского изобразительного искусства [2].

Вторая экспедиция была отправлена в Аргаяшский кантон (1929 г.). Следующие третья (1933 г.), четвертая (1934 г.) и пятая (1935 г.) экспедиции работали в Бурзянском районе Республики Башкортостан под руководством В.С. Сыромятникова. Во время указанных экспедиций для музея были приобретены первые экспонаты, многие из которых являются уникальными и, в настоящее время, составляют золотой фонд коллекции.

В журналах «Советское краеведение» (1936) и «Искусство» (1937) была опубликована статья художника В.С. Сыромятникова «Башкирское народное искусство», написанная на основе материалов, собранных сотрудниками художественного музея во время экспедиций 1928–1935 годов. Как отмечал автор, в результате этих поездок был собран весьма интересный и разнообразный материал, характеризующий башкир как народ с очень интересной и ценной художественной культурой [3].

В последующие годы коллекция продолжала пополняться экспонатами от частных лиц и повторных экспедиций научных сотрудников музея, в том числе Альмиры Гайнулловны Янбухтиной и Валентины Мефодьевны Сорокиной.

Научный сотрудник в Художественном музее им. М.В. Нестерова А.Г. Янбухтина, начиная с 1966 года, изучала коллекцию народного искусства в собрании музея, совершила множество экспедиций сначала на северо-восток республики, затем в юго-восточные районы горнолесного и степного Башкортостана. Во время полевых исследований для собрания БГХМ им. М.В. Нестерова были приобретены произведения башкирского народного искусства: ткачество, вышивки, ювелирные изделия, деревянная утварь. Так, коллекция музея за короткий период с 1966 по 1969 год

заметно пополнилась высокохудожественными изделиями народных мастеров [4].

В 1983 году главный хранитель музея В.М. Сорокина и другие сотрудники отдела совершили повторное исследование по следам экспедиции 1928 года. Во время этой поездки для музейного фонда были собраны предметы быта и одежды башкир [5].

Таким образом, сотрудниками музея была выполнена большая работа по сбору произведений народного творчества, и, на сегодняшний день, в собрании насчитывается более 800 экспонатов, которые находятся на стадии изучения и классификации.

Рис. 1. Налобная повязка — һарауыс. Вторая половина XIX в. Холст домотканый, шелковая нить; счетная вышивка. 14 х 23 см. Приобретен в августе 1933 г. во время экспедиции в Бурзянский район БАССР. Надпись на тюрки: ادریس قزی. Перевод на башкирский язык: «Идрис кызы». Перевод на русский язык: «дочь Идриса»

Раздел «Ткачество и вышивка» вобрал в себя самую большую и уникальную часть коллекции башкирского народного декоративно-прикладного искусства. В процессе изучения произведений народного искусства были обнаружены экспонаты, содержащие текстовые вышивки арабским алфавитом. Во всей коллекции башкирского народного искусства было выявлено три предмета с арабописьменной вышивкой. Указанные надписи на предметах народного искусства до настоящего времени не были изучены, что и послужило основанием для написания данной статьи.

Первая рассматриваемая надпись вышита на старинной женской налобной повязке «хараус» (рис. 1). Здесь важно отметить, что в БГХМ им. М.В. Нестерова хранится вторая по значимости, после Российского этнографического музея, коллекция этих предметов (106 экспонатов, большинство из которых старинные и относятся, предположительно, к началу XIX в.). Традиционно, «хараус» представляет собой повязку из холщовой ткани (длиной 25–40, шириной 8–16 см), по верхнему и нижнему краям обшитую полосками хлопчатобумажной или холщовой ткани красного цвета. Переднюю часть «харауса», как правило, украшали вышивкой, выполненной цветными шелковыми или шерстяными нитями. Поверх «харауса» надева-

ли традиционные женские головные уборы «тастар» или «кашмау». В начале XX века «хараусы» в качестве элемента костюма практически не использовались, но за ними сохранялась особая обрядовая роль: они включались в состав свадебных подарков и сохраняли сакральный смысл. «Хараус» был распространен в Зауралье, в восточных (преимущественно, горнолесных), юго-восточных районах Башкортостана. Подобные начельники встречаются также в одежде марийцев, татар, удмуртов, чувашей, коми, западносибирских татар, обских угров [6].

Рис. 2. Кисет — янсыk. Вторая половина XX в. Сатин, мулине; счетная вышивка, шов «козлик». 25,5 х 18 см. Приобретен в 1968 г. у С. Галяутдиновой, д. Кулганино Бурзянского района БАССР. На одной стороне надпись: на тюрки: ۱۹۶۸ يلنا برنجى مارطا. Перевод на башкирский язык: «1968 йыл беренче марта». Перевод на русский язык: «Первое марта 1968 года». На второй стороне: на тюрки: ايلاسى حا. Перевод на башкирский язык: Эйәс[е] Ха[…]. Перевод на русский язык: Можно допустить, что это является сокращением имени, фамилии какого-то человека или же других слов. Возможно, в дату вкралась ошибка. Цифра 2 (۲) могла быть написана наоборот 6 (۶)

Изучаемый «хараус» приобретен в 1933 году во время экспедиции сотрудников музея в Бурзянский район. Данный экземпляр датируется концом XIX — началом XX века, исполнен в технике счетной вышивки. Основой для вышивки послужил тонкий домотканый холст красного цвета. Композиция трапециевидной формы украшена геометрическим орнаментом из комбинации зигзагов и треугольников и выполнена натуральной шелковой нитью золотистого и фиолетового цветов. Справа вышитая надпись арабским алфавитом выполнена счетной вышивкой. На башкирский язык она переводится как «Идрис kызы», что на русском языке означает «дочь Идриса». Вышитый текст на «харауce» указывает на принадлежность ее владелицы к определенному роду. Возможно, что здесь же было вышито и ее имя.

Вторым экспонатом является кисет «янсыk» — небольшая мужская сумочка (с подкладом), затягиваемая шнурком (рис. 2). Изначально кисет изготавливали исключительно из кожи и украшали геометрическим орнаментом с симметрично расположенными сплетениями из ромбов и треуголь-

Рис. 3. Концовки полотенца — таҫтамал осо. Последняя треть XIX в. Бумажная материя, шелк; счетная и тамбурная вышивки. 39 х 41см и 39,5 х 44 см. Приобретен: 03.07.1929 у Бикбулатова, д. Булатово Мухамед-Кулуевской волости Аргаяшского кантона БАССР (ныне Аргаяшский район Челябинской области).

Надписи на тюрки: верхний текст:

ایلاهم سن شاد ایله بنوم عاجیز زبانومی

احرتکده نصب ایله شرفلو ایمانمنی

بنوم بر مقصودنوم وارنور کی علیم نفعمی ارتکنور

ز همنشی روشان ایله بحشلو قیل تعالله الله

Нижний текст:

نتده جانم نیجه کونلار میهمان ایکانکنور بلمادوم

اوتدی عمروم باروسی ویران ایکانکنور بلمادوم

هرکشی کم قلسا احسان الر جنت تحتنی

بنده لنك بحشی ایشی انعام ایکانکنور بلمادوم

ников. Позже в его декор стали включать растительные мотивы. Мужчины подвязывали кисет к поясу. Сумочка-кисет встречается у всех тюркских народов. Часто в кисете хранили не только табак и монеты, а также некоторые личные вещи. Башкиры любили наполнять кисеты ароматными лечебными травами, например, чабрецом или душицей. В свадебных обрядах кисет был в числе подарков, который невеста дарила своему жениху.

Исследуемый кисет приобретен в 1968 году в деревне Кулганино Бурзянского района во время комплексных экспедиций А.Г. Янбухтиной. Кисет имеет прямоугольную форму, выполнен из сатина бордового цвета, верхняя часть затягивается голубой лентой, по трем сторонам пришиты шерстяные розовые и зеленые обережные кисточки. Орнамент расположен в вышитой рамке синего цвета и состоит из геометрических фигур — ромбов и прямоугольников разных цветов. На кисете с обеих сторон в верхней

части имеются текстовые вышивки, выполненные тамбурным швом: с одной стороны, текст вышивки в переводе на башкирский язык читается как: «1968 йыл беренче март», что в переводе на русский язык означает «Первое марта 1968 года». Учитывая, что данный экспонат был приобретен в 1968 году, можно допустить что малограмотный автор текста допустил ошибку при написании даты. В арабографичных текстах цифра 2 (٢) и 6 (٦) пишутся зеркально. На недостаточную грамотность автора текста указывают ошибки в правописании некоторых слов. С другой стороны, в тексте, написанном на второй стороне, имеются множественные утраты, которые могли возникнуть лишь после определенного времени, поэтому, можно сказать, что датой написания не является 1968 год. Утраты в вышивке осложняют дешифровку. Можно прочитать части слов, которые на башкирском языке читаются как «Эйәс[е] Ха[…]. Возможно, это указание на имя владельца: «Эйәсе Ха…», что на русском языке означает «Владелец (ица) Ха…».

Третьим экспонатом для исследования стали концовки праздничного башкирского полотенца с вышитым арабографичным текстом (рис. 3). Расшифровка текста на концовках полотенца дала ценный материал, с точки зрения этнографии и филологии.

В процессе исследования было выявлено, что концовки полотенца были приобретены для музея в 1929 году научным сотрудником В.С. Сыромятниковым во время экспедиционной поездки в Аргаяшский кантон Мухамед-Кулуевской волости у жителя деревни Булатово Бикбулатова.

Декоративные полотенца (на башк. языке «таҫтамал», «һөлгө», «сөлгө») были широко распространены в быту башкир, их использовали в различных обрядах, убранстве жилища, а также они служили в качестве свадебных подарков.

Само полотно издревле считалось у многих народов символом жизни, а переплетенные при ткачестве нити — судьбами людей. Узор, помещенный на концах полотенец, был оберегом, призванным охранять и помогать владельцу или дому, в котором изделие использовали. Полагают, что именно поэтому украшенные узорами ткани развешивали вдоль стен как у кочевых, так и у земледельческих народов [7]; при этом ценились именно узорные концы, которые берегли и передавали по наследству. Полотенце изнашивалось, а нарядные концы, которые сохранялись значительно дольше, пришивали к другому полотнищу.

Рассматриваемые концовки башкирского праздничного свадебного полотенца — практически одинакового размера: 39,5 х 44 см. Это

домотканая основа красного цвета из льна со вставками в нижней части светлых полос шелковой материи. На концовках полотенец шелком, в технике счетной глади, вышиты геометрические фигуры. В элементах орнамента обеих концовок есть некоторые отличия в характере узора, а также в порядке их цветового решения. Также на концовках полотенца расположен арабографический текст, который вышит черной шерстяной нитью тамбурным швом. Исследователь В.С. Сыромятников в своей статье по результатам экспедиций 1928–1935 годов отмечал: «Чрезвычайно употребительной являлась и вышивка тамбур, которым вышивались арабские изречения» [8]. Изначально текст на обеих концовках полотенца был написан карандашом одним почерком, вероятно, его написал один человек, затем его вышила опытная мастерица, владеющая техникой ручной тамбурной вышивки. На первый взгляд, одинаково вышитые надписи имеют все же небольшие отличия, но такой визуальный эффект дает сильная временная утрата нитей вышивки на одной из концовок. На другой концовке некоторые слова вышиты золотистыми шелковыми нитями.

Расшифровка текста на концовках полотенца из коллекции БГХМ им. М.В. Нестерова предоставит ценный материал для исследования истории культуры Южного Урала.

Нами был сделан перевод вышитого текста верхней части концовки на арабографичном письменном языке тюрки:

Илаһым, син шад әйлә, бәнүм ғажиз зәбанүме.
Ахирәттә насип әйлә шәрәфәтлү иманумны.
Бәнем бер мәксүдүм вардур ки, ғилем, нафиғеме арттур.
Зиһенемне раушан әйлә, бәхетлү ҡыл, Тәғәлә Аллаһ.

Перевод с тюрки на русский язык:

Господи, сделай счастливым мой слабый язык.
До конца света дай достойную веру.
У меня есть лишь цель одна — увеличь знания, пользу,
Сделай ясным мои мысли, сделай счастливым, Господи.

Данный текст содержит призыв к знанию, который часто встречается в произведениях многих известных башкирских поэтов, таких как Хибатулла Салихов, Шамсетдина Заки, Мифтахетдин Акмулла, Мажит Гафури.

Обратимся к тексту нижней вышивки.

Перевод вышитого текста нижней части концовки на арабографичном письменном языке тюрки:

Тәндә жаным ничә көнләр миһман икәндүр, белмәдүм,
Үтте ғүмерүм, барысы вайран икәндүр, белмәдүм.
Һәр кеше кем ҡылса ихсан алыр жәннәт тәхетене
Бәндәнең яхшы эше инғам икәндүр, белмәдүм.

Перевод с тюрки на русский язык:

Сколько дней в теле моя душа будет гостем, не знал,
Прошла моя жизнь, но о том, что все разрушится, не знал.
Каждый человек, делающий добро, получит райский престол,
Все хорошие дела человека являются добром, не знал.

В данном четверостишье автор обращается к Господу с просьбой помочь ему в получении знаний и оказать милость в деяниях. Ее смысл, в какой-то степени, дополняет идеи, изложенные в верхней надписи.

Анализ текста показал, что эта часть взята из большого стихотворного произведения известного башкирского поэта Х. Салихова (1794–1867) «Тәндә жаным» («Душа в теле»).

Хибатулла Салихов родился в деревне Чебеньки Оренбургского уезда Оренбургской губернии. Из биографии поэта известно, что он получил образование в медресе муллы Давлетши Гадельшина, священнослужителя с передовыми для своего времени взглядами. Здесь он имел возможность изучать произведения мыслителей и классиков восточной литературы, таких как Ибн Сина, Руми, Саади, Газали [9].

Еще в 1856 году в типографии Казанского университета были изданы две книги Хибатуллы Салихова: «Дурр аль-калям» («Жемчужины слова») и «Маджмаг аль-адаб» («Сборник о воспитанности»), которые позже многократно переиздавались. Одно из первых стихотворений поэта было опубликовано в сборнике «Китаб Диван-и Ризаи», изданном в 1860 году. Сочинения Х. Салихова широко распространялись и в рукописной форме. В настоящее время рукописные списки его произведений хранятся в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге (2 ед.), Научной библиотеке Казанского федерального университета (14 ед.), Фонде рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (более 90 ед.) [10].

Оригинал стихотворения «Танда джаным» («В теле душа») состоит из 78 строк. На полотенце приведены несколько строк из начальной части сочинения. Сравнительное исследование текста надписи показало, что первая строка почти полностью совпадает с первым и вторым бейтами стихотворения, изданного в упомянутом сборнике «Китаб Диван-и Ризаи» (1860 г.). Таким образом, исходя из анализа текста, можно сделать вывод, что время создания рассматриваемых концовок полотенца можно определить второй половиной XIX века [11].

В книге поступлений БГХМ им. М.В. Нестерова указана информация о приобретении данного призведения башкирского народного творчества у Бикбулатова из д. Булатово, ныне относящегося к Аргаяшскому району Челябинской области. Стало известно, что именно из рода Бикбулатовых указанной деревни вышли известные ученые, в том числе этнограф Н.В. Бикбулатов, философ Д.Ж. Валеев. Мы можем предположить, что данная вышивка могла принадлежать одному из представителей этого рода. Возможно, она принадлежала семье религиозного деятеля Валиуллы Бикбулатова, отца Н.В. Бикбулатова, или же семье одного из его родственников [12].

Все три аробописьменные вышивки на произведениях народного искусства выполнены на красной ткани: в одном случае — это фабричная ткань (кисет), в двух других случаях (хараус и концовки полотенца) — это домотканина, поскольку они являются более ранними по происхождению. Красный цвет нес в себе сложную магическую функцию, ведь все три экспоната были ритуальными предметами свадебного обряда, которые молодая девушка вышивала до замужества. Издревле вышитые тексты встречаются у многих тюркских народов. Такие надписи на арабском языке с пожелания долголетия, здоровья, могущества и других благопожеланий были обязательным элементом декора на многих произведениях декоративно-прикладного искусства в мусульманских странах, поскольку считалось невозможным использовать изображения живых существ для изложения священной истории. В исламе человек узнает о Боге через Слово, а не через изображение, которое может заменить бога идолом. Каллиграфия, тщательно рассчитываемая математически, служит одновременно и услаждению глаз, и средством общения с Богом. Красота божественного слова украшает книги, предметы быта, здания. В каллиграфии сочетаются сакральный смысл и сакральная красота [13].

Надписи на изделиях декоративно-прикладного искусства имели различный характер. Это могли быть фразы из Корана о едином Боге, в

них часто встречается имя Аллаха. Другую категорию составляли различные благопожелательные надписи, например: «Да дарует хозяину этого Аллах счастье, благополучие, процветание, удачу». Считалось, что такие благие пожелания исходят от Аллаха, поэтому в них всегда говорилось о его могуществе и милости. Имя Аллаха воспринималось как своеобразный оберег. На бытовых изделиях можно увидеть и различные мудрые высказывания, в которых восхваляемые добродетели всегда соответствовал мусульманскому этическому кодексу. На ряде художественных изделий, особенно в Иране и после XI века, часто встречаются мистические стихи с обращением к Аллаху.

Изречения религиозного характера, написанные арабской вязью, встречаются на башкирских и татарских шамаилах — своеобразных настенных панно на стекле, ткани или бумаге с каллиграфически выполненными текстами, которые в своем содержании доносили этические нормы мусульманской веры и, в то же время, воспринимались как оберег — защита от всех бед и напастей для дома и человека [14]. Такой декор был особенно необходим на свадебных обрядовых предметах.

В результате проведенного анализа было установлено авторство четверостишия, выполненного в виде вышивки ручным тамбурным швом на концовках традиционного башкирского полотенца. Текст вышивки содержит строки стихотворения, принадлежавшего поэту-суфию Хибатулле Салихову (1794–1867), «Танда джаным» («Душа в теле», 1860 год публикации), весьма популярного среди Урало-Поволжских суфиев. Исходя из анализа текста, можно сделать вывод о времени создания концовок полотенца, которое можно определить последней третью XIX века. Такие обрядовые предметы башкирского народного искусства как женская налобная повязка — «hарауыс», мужской кисет — «янсык» — и концовки полотенца — «таҫтамал осо» с арабографичными текстам, датированные второй половиной XIX — начала XX века, имели обереговую символику и несли религиозно-дидактическую функцию. Они являются единичными и уникальными образцами в коллекции БГХМ им. М.В. Нестерова.

Список литературы:

1. Архив БГХМ им. М.В. Нестерова. Отчет за 1928–1935 годы.

2. *Бондаренко И.Е.* Уфимский художественный музей // Казанский музейный вестник. — Казань, 1922. — № 2.

3. *Сыромятников В.* Башкирское народное искусство // Советское краеведение. — 1936. — № 12. — С. 107.

4. *Янбухтина А.Г.* Искусство Башкортостана. XX век: От тамги до авангарда / А.Г. Янбухтина. — Уфа: Китап, 2006. — 224 с.: ил.

5. *Сорокина В.М.* Альбом. Произведения Касима Салиаскаровича Девлеткильдеева. Графика и живопись 1913–1942 годов. — Уфа: ООО РА «Информреклама», 2007. — С. 24.

6. *Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. — Уфа: Китап, 2006. — С. 250.

7. *Рославцева Л.И.* Узорное ткачество народов Крыма в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. — Москва: ГМВ, 2013. — 184 с.: ил.

8. *Сыромятников В.* Башкирское народное искусство // Искусство. — 1937. — № 1. — 155–160 с.

9. *Шарипова З.Я.* Пером и словом. Литературоведение. — Уфа: Китап, 1993. — 208 с.

10. Антология башкирской литературы / составители Г. Хусаинов, М. Надергулов, З. Шарипова; ответственный редактор Г. Хусаинов. В двух томах. Том II. XIX век. — Уфа: Китап, 2007. — 388 с. (на башкирском языке).

11. Китаб Диуан-и Ризаи. — Казань, 1860. — 105 с. (на тюрки).

12. *Сабирова З.Р.* Повседневная жизнь мусульман Южного Урала на примере рода Валеевых-Бикбулатовых (конец XIX — начало XX века) // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев: Материалы Международной научной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения выдающегося башкирского религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917). — Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. — С. 213–218.

13. От Китая до Европы: Искусство исламского мира: каталог выставки / Государственный Эрмитаж; Государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник «Казанский Кремль». — Санкт-Петербург: Чистый лист, 2008. — 376 с.: ил.

14. *Валеев Ф.Х.* Татарское народное декоративное искусство (XVIII — начало XX в.): истоки и традиции: монография [научный редактор и автор предисловия Г.Ф. Валеева-Сулейманова]. — Казань: Татар. кн. Издательство, 2020. — 219 с.: ил.